
Жиль Делёз, Феликс Гваттари

10. 1730:

*Становление-интенсивностью,
Становление-животным,
Становление-невоспринимаемым...¹*

Воспоминания колдуна, I. – В становлении-животным мы всегда имеем дело со стаей, бандой, популяцией, населением, короче, с множественностью. Мы – колдуны – знали это во все времена. Возможно, другие инстанции, к тому же крайне отличающиеся друг от друга, по-иному рассматривают животное; можно удерживать в животном и извлекать из него определенные характеристики: виды и роды, формы и функции и т.д. Общество и Государство нуждаются в животных характеристиках для классификации людей; естественная история и наука нуждаются в характеристиках для классификации самих животных. Сериализм и структурализм либо градуируют характеристики их сходствами, либо упорядочивают их по различиям. Животные характеристики могут быть мифическими или научными. Но не они нас интересуют; что нас интересует – так это способы распространения, размножения, захвата, заражения, расселения. Имя мне легион. *Человек-волк* заморожен несколькими волками, взирающими на него. Чем был бы одинокий волк? Или кит, блоха, крыса, муха?

¹ Фрагмент книги «Тысяча поверхностей», подготовленной к печати издательством «У-Фактория». Воспроизводится с его любезного согласия. Перевод выполнен по изданию: *Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux (Capitalisme et schizophrénie 2)*. P: Minuit, 1980.

Вельзевул – это Дьявол, но Дьявол в качестве повелителя мух. Прежде всего, волк – не характеристика и не некое число характеристик; волк – это волкование. Блоха – это блохование... и т.д. Что же это за вой, независимый от популяции, к которой он взывает и которую берет себе в свидетели? Вирджиния Вулф ощущает себя не обезьяной или рыбой, а стадом обезьян, косяком рыб сообразно переменчивым отношениям становления с лицами, с которыми она контактирует. Мы вовсе не хотим сказать, что какие-то животные живут стаями; нам нет никакого дела до смехотворных эволюционистских классификаций Лоренца, согласно которым существуют подчиненные стаи и господствующие общества. Мы говорим лишь о том, что каждое животное – это прежде всего банда, стая. Что оно обладает модусами стаи, а не характеристиками, даже если требуются дальнейшие различия внутри таких модусов. Именно в этой точке человек встречается с животным. Действительно, мы не можем стать животным, не испытывая завороченности стаей или множественностью. Завороженность внешним? Или же завораживающая нас множественность уже связана с множественностью, обитающей внутри нас? В одном из своих шедевров [«Врата серебряного ключа»] Г.Ф. Лавкрафт рассказывает историю Рендольфа Картера, который ощущает свою «самость» расшатанной и испытывает страх худший, чем страх уничтожения: «Среди них попадались Картеры-люди и Картеры-животные и растения, позвоночные и беспозвоночные, обладающие сознанием и лишённые его», Картеры-земляне и «Картеры-обитатели иных планет, заброшенные в бескрайность космоса и несущиеся от одного мира к другому, от одной вселенной к другой... Погружение в небытие дарует покой забвению; но осознание собственного существования и при этом знание того, что более не являешься определенным существом, отличным от других существ» и от всех тех становлений, которые нас пересекают, – «вот невыразимый верх ужаса и агонии»². Гофмансталь или, скорее, Лорд Чандос заворочен умирающим «народцем» крыс, и тог-

² Лавкрафт Г.Ф. Зверь в подземелье / Пер. с англ. Е. Любимовой (перевод изменен). М.: «Гудьял-Пресс», 2000, с. 56. – Прим. пер.

да в нем, через него, в расщелине его разрушенной самости, «дух животного обнажает клыки перед чудовищной судьбой»: здесь нет сострадания, а только *противоестественное соучастие*³. А потом странный императив захлестывает его: либо прекратить писать вообще, либо писать, как крыса... Если писатель – колдун, то потому, что письмо – это становление, письмо пересекает странные становления, являющиеся вовсе не становлениями-писателем, а становлениями-крысой, становлениями-насекомым, становлениями-волком и т.д. Нужно будет еще сказать почему. Многие самоубийства писателей объясняются такими противоестественными соучастиями, такими противоестественными браками. Писатели – это колдуны, поскольку воспринимают животное как единственную популяцию, перед которой они в принципе несут ответственность. Ранний немецкий романтик Карл Филипп Мориц испытывал ответственность не за умирающих телят, а перед телятами, которые гибнут и дают ему тем самым невероятное ощущение какой-то неизвестной Природы – *аффект*⁴. Ибо аффект – не личное чувство и не характеристика; он – осуществление могущества стаи, которая потрясает и расшатывает самость. Кому незнакома жестокость таких животных последовательностей, которые с корнем вырывают нас – хотя бы на миг – из человеческого состояния, заставляя, подобно грызунам, крошить хлеб или наделяя нас желтыми кошачьими глазами? Опасная инволюция зовет нас к неслыханным становлениям. И это – не регрессии, хотя фрагменты регрессии, регрессивные последовательности могут наблюдаться.

Нужно различать три типа животных: индивидуализированные животные, домашние зверушки, сентиментальные Эдиповы животные – каждое со своей маленькой историей, «моя» кошечка, «мой» песик; такие животные побуждают нас к регрессии, втягивают в нарциссическое созерцание. Они являются единственным

³ Hofmannsthal H. von. Lettres du voyageur à son retour. P.: Mercure de France, 1969, письмо от 9 мая 1901 г.

⁴ См.: Bailly J.C. La légende dispersée. Anthologie du romantisme allemand. P.: Union Générale d'Éditions, 1976, pp. 36–43.

типом животных, понимаемым психоанализом, позволяя еще лучше раскрывать лежащие за ними образы папочки, мамочки и маленького братика (когда психоанализ толкует о животных, последние учатся смеяться): *любой, кто любит кошек и собак, слуп*. Но есть и второй тип: животные, наделенные характеристиками и атрибутами; животные рода, классификации и Государства; те, что рассматриваются в великих божественных мифах таким образом, дабы можно было извлечь оттуда серии и структуры, архетипы и модели (в любом случае Юнг глубже Фрейда). Наконец, есть еще более демонические животные, стайные или аффективные, формирующие множественность, становление, популяцию, сказку... Или не может ли, опять же, любое животное рассматриваться всеми тремя способами? Ведь всегда возможно, чтобы какое-нибудь животное – блоха, гепард или слон – рассматривалось как домашняя зверюшка, моя маленькая тварь. Другая крайность: любое животное также может рассматриваться в модусе стаи или роя; так мы, братья-колдуны, и поступаем. Даже кошка, даже собака... И у пастуха, и у дрессировщика, и у Дьявола есть в стае свое любимое животное, хотя не так, как мы только что обсуждали. Да, любое животное является или может быть стаей, но с разной степенью призвания, облегчающей или усложняющей раскрытие множественности, доли множественности, каковую животное актуально или виртуально содержит в себеобразно конкретному случаю. Косяки, банды, стада, популяции – не низшие социальные формы; они суть аффекты и энергии, инволюции, которые захватывают каждое животное становлением столь же мощным, как и становление человека вместе с животным.

Х.Л. Борхес – автор, знаменитый своим избытком культуры, – состряпал, по крайней мере, две книги, имеющие только хорошие заглавия: первая – «Всеобщая история бесчестья», поскольку он не заметил фундаментального различия, проводимого колдуном между обманом и предательством (становление-животным присутствует с самого начала, находясь на стороне предательства). Вторая – его «Книга о вымышленных существах», где он не только воспринял пестрый и пресный образ мифа, но также элиминировал все проблемы стаи и, что касается человека, соответствующую

щего становления-животным: «Мы умышленно исключили из этой книги легенды о превращениях людей – *lobizón'a*, оборотня и т.д.». Борхеса интересуют только характеристики, даже самые что ни есть фантастические, тогда как колдуны знают, что оборотни – это банды, так же как и вампиры, и что банды превращаются друг в друга. Но что же в точности это означает – животное как банда или стая? Разве банда не подразумевает некой преемственности, возвращая нас к воспроизводству заданных характеристик? Как понять рост населения, размножение, становление без преемственности и наследственного производства? Множественность без единства предка? Это очень просто, и каждый это знает, но обсуждается такое только тайно. Мы противопоставляем эпидемию преемственности, заражение – наследственности, распространение посредством заражения – воспроизводству половым путем, сексуальному производству. Банды – человеческие или животные – размножаются посредством заражения, эпидемий, сражений и катастроф. Как и гибриды, сами по себе стерильные, но рожденные от полового союза, который не воспроизводится, но каждый раз возобновляется, тем самым распространяясь вширь. Противостоятельные соучастия и браки суть подлинная Природа, охватывающая отдельные природные царства. Размножение через эпидемию, заразу не имеет ничего общего с преемственностью через наследственность, даже если эти две темы переплетены и нуждаются друг в друге. Вампир не размножается, он заражает. Различие в том, что зараза, эпидемия предполагает насквозь гетерогенные термины: например, человек, животное и бактерия, вирус, молекула, микроорганизм. Или – как в случае трюфеля – дерево, муха и свинья. Такие комбинации не являются ни генетическими, ни структурными; они – междучарствия, противоестественные соучастия, но только так и действует Природа – против самой себя. Это сильно отличается от преемственного производства и наследственного воспроизводства, где единственные сохраняемые различия – это простая дуальность полов внутри одних и тех же видов и небольшие изменения, накапливаемые поколениями. Для нас, напротив, есть столько полов, сколько есть терминов в симбиозах, столько различий, сколько существует

элементов, способствующих процессу заражения. Мы знаем, что мужчину и женщину разделяет много существ; они происходят из разных миров, приносятся ветром, образуют ризомы вокруг корешков; они постигаются не в терминах производства, а только в терминах становления. Универсум не функционирует через преемственность. Все, что мы утверждаем, так это то, что животные суть стаи, а стаи формируются, развиваются, испытывают превращения посредством заражения.

Эти множественности, содержащие гетерогенные термины, совместно функционирующие посредством заражения, входят в определенные *сборки*; именно здесь человек осуществляет свои становления-животным. Но нам не следует смешивать эти темные сборки, затрагивающие наиболее близкое к нас, с такими организациями, как институт семьи и аппарат Государства. Мы могли бы сослаться на общества охотников, военные общества, тайные общества, преступные общества и т.д. Становление-животным соответствует им. Здесь мы не найдем ни режимов преемственности типа семьи, ни способов классификации и атрибуции государственного или до-государственного типа, ни даже сериальных организаций религиозного типа. Несмотря на видимость и возможную путаницу, это не место происхождения и не точка приложения для мифов. Это сказки, или рассказы, о становлении, это его протоколы. Стало быть, абсурдно устанавливать иерархию даже среди животных коллективов с точки зрения некоего фантастического эволюционизма, согласно которому стаи по статусу ниже и сменяются семейными и государственным обществами. Напротив, различие касается самой природы, и происхождение стай полностью отличается от происхождения семьи и Государства; стаи непрестанно оказывают влияние на них изнутри и нарушают их спокойствие ивие иными формами содержания, иными формами выражения. Стая – это одновременно и реальность животного, и реальность становления-животным человека; зараза – это одновременно и животная популяция, и размножение животной популяции самого человека. Машина охоты, машина войны, машина преступления сопряжены со всеми разновидностями становления-животным, которые не выражены в мифе и уж тем па-

че в *тотемизме*. Домезиль показал, что такого рода становления с необходимостью свойственны воину, но лишь постольку, поскольку он вышен в отношении семьи и Государства, поскольку он опрокидывает любую преемственность и классификацию. Машина войны всегда вышена по отношению к Государству, даже когда Государство ее использует и присваивает. Воин обладает полным становлением, включающим в себя множественность, скорость, повсеместность, метаморфозу и предательство – мощь самого аффекта. Человек-волк, человек-медведь, человек-дикая кошка, человек-любое животное – тайные братства, оживляющие поля сражений. Но также и животные стаи, служащие человеку в бою, или стаи, идущие по следам битв и получающие собственную выгоду. Все вместе они распространяют заразу⁵. Есть сложная совокупности: становление-животным человека, стаи животных, слоны и крысы, ветры и бури, бактерии, сеющие заразу. Единный *Furor*. Война содержала в себе зоологические последовательности, прежде чем стала бактериологической. Именно во время войн, голода и эпидемий размножаются оборотни и вампиры. Всякое животное может быть захвачено этими стаями и соот-

⁵ О воине, его внешней позиции по отношению к Государству, семье и религии, о становлении-животным, становлении-диким животным, в которое он включается, см.: Домезиль, особенно «Mythes et dieux des Germains» (P.: E. Leroux, 1939); «Horace et les Curiares» (P.: Gallimard, 1942); «Heur et malheur du guerrier» (P.: PUF, 1969); «Mythe et épopée», t II (P.: Gallimard, 1971). Можно также сослаться на исследования общества человека-леопарда и т.п. в Черной Африке; вполне вероятно, что такие общества происходят от воинских братств. Но после того как колониальное государство запретило племенные войны, они превратились в преступные сообщества, по-прежнему сохраняя свою территориальную и политическую значимость. Одно из лучших исследований, посвященных данной теме, – *Joset P.E. Les sociétés secrètes des hommes-léopards en Afrique noire*. P.: Payot, 1955. Становления-животным, свойственные этим группам, в нашем понимании сильно отличаются от символических отношений между человеком и животным, как это имеет место в аппаратах Государства, но точно так же и в до-государственных институтах тотемного типа. Леви-Стросс ясно показывает, что тотемизм уже предполагает своего рода зачаточное Государство в той мере, в какой оно превосходит племенные границы (La pensée sauvage. P.: PUF, 1962, pp. 220 sq.).

ветствующими становлениями; кошек можно увидеть на поле боя и даже в армиях. Вот почему различие нужно проводить не столько между типами животных, сколько между разными состояниями, сообразно которым они интегрируются в семейные институты, аппараты Государства, машины войны и т.п. (так каково же отношение машины письма и музыкальной машины к становлениям-животным?).

Собака, лежащая справа...

*Для молотка любая проблема –
только еще один гвоздь.*

Том Сойер

Появление собаки. Анализируя структуру взглядов классического представления, запечатленную в картине Веласкеса «Менины», Мишель Фуко трижды упоминает собаку. Два раза она так и названа собакой. В третьем фрагменте она интригующе включена в общее имя животных. Интригующе, т.е. завязывая узелок некоторой неопознанной пока интриги для серии возможных повествований. Собака одна, а животных на картине много... или одно? То есть одно, открытое взгляду, и какие-то другие «животные», из взгляда исключенные. Причем это исключенное не относится ни к «незримости видимого», ни к «невидимости видящего». Событие исключения происходит по ту сторону пространства видения. Чтобы подступить к исключенному, подойдем, следуя разворачиванию слов Фуко, к собаке, «лежащей справа»:

Вся картина представляет собой сцену для того, кто сам в свою очередь является сценой, чистую взаимность, которая обнаруживается зеркалом, разглядывающим и разглядываемым; оба ее момента выявляются в обоих краях картины: слева – повернутое оборотной стороной полотно, превращающее внешнюю точку в чистое зрелище, справа – лежащая собака, единственный элемент картины, который не смотрит и не движется, так как она